

ЯЗЫК . СЕМИОТИКА . КУЛЬТУРА

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ТОМ II

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МАТЕРИАЛЬНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

М. Н. МУРАВЬЕВ
ВВЕДЕНИЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

КНИГА II

В. Н. ТОПОРОВ

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ТОМ II

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА:

ИССЛЕДОВАНИЯ, МАТЕРИАЛЫ, ПУБЛИКАЦИИ

М. Н. МУРАВЬЕВ:
ВВЕДЕНИЕ В ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

КНИГА II

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва

2003

ББК 83.3(2Рос=Рус)1

Т 58

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
(РФФИ)

проект 99-06-87005

Топоров В. Н.

Т 58

Из истории русской литературы. Т. II: Русская литература второй половины XVIII века: Исследования, материалы, публикации. М. Н. Муравьев: Введение в творческое наследие. Кн. II. — М.: Языки славянской культуры, 2003. — 928 с.: ил. — (Язык. Семиотика. Культура).

ISSN 1727-1630

ISBN 5-94457-111-X

Настоящая книга представляет собой вторую часть II тома «Из истории русской литературы». Вместе с опубликованной первой частью и пока не опубликованной третьей частью она составляет монографию «М. Н. Муравьев: Введение в творческое наследие», посвященную многообразной деятельности этого писателя, проявившего себя в художественной литературе, в разных областях знания, в плодотворной общественной и государственной деятельности.

Объектом исследования во второй книге является поэзия М. Н. Муравьева. Помимо общей характеристики его поэзии, большую часть издания составляют анализы наиболее значительных стихотворений, представляющих разные тематические и жанровые типы поэзии Муравьева. Особое место занимают статьи, посвященные выявлению места поэтического наследия Муравьева в развитии русской поэзии XVIII в., рецепции западноевропейского опыта, реминисценциям из Муравьева в творчестве Пушкина и др.

ББК 83.3(2Рос=Рус)1

Владимир Николаевич Топоров

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Том II

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА:
ИССЛЕДОВАНИЯ, МАТЕРИАЛЫ, ПУБЛИКАЦИИ

М. Н. Муравьев: Введение в творческое наследие
Книга II

Издатель А. Кошелев

Корректор О. Заикина

Подписано в печать 20.08.2003. Формат 70×100 1/16.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная, гарнитура Баскервилл.
Усл. печ. л. 74,82. Заказ № 8593

Издательство «Языки славянской культуры».

ЛР № 02745 от 04.10.2000.

Тел.: 207-86-93. Факс: (095) 246-20-20 (для аб. М153).

E-mail: lrc-kozlov@yandex.ru

Каталог в ИНТЕРНЕТ <http://www.lrc-mik.narod.ru>

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ISBN 5-94457-111-X

9 785944 571113 >

© В. Н. Топоров, 2003

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного оригинал-макета в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

Оглавление

С. ПОЭЗИЯ М. Н. МУРАВЬЕВА	7
I. Общая характеристика	9
II. Анализы	93
1. Из «ночной» поэзии (к русскому юнгианству).	
Стихотворение М. Н. Муравьева «Ночь»	95
<i>Приложение I.</i> Текст «ночи» в русской поэзии XVIII — начала XIX века	157
<i>Приложение II.</i> О словах <i>приятный, приятно,</i> <i>приятность</i> и др. в русской поэзии XVIII — первой трети XIX века	228
<i>Приложение III.</i> К «соловьиному» тексту русской литературы (XVIII век). Предистория. Державинские опыты. Карамзин. Общая картина и перспективы	264
<i>Приложение IV.</i> Текст «прохлады» в русской поэзии XVIII века	302
<i>Приложение V.</i> К истории эпитета <i>пбшинный</i> в русской поэзии XVIII века	327
2. Тексты времени, века-жизни	349
<i>Приложение I.</i> К теме времени в русской поэзии XVIII века (избранные страницы)	373
<i>Приложение II.</i> Цена мгновения. Об одной «сказочке»	425
3. Тексты природы («пейзажное»)	437
«Новое» чувство природы	437
«Учение природы»	439
<i>Приложение I.</i> О словаре, составе и элементарных поэтических образах «Рощи»	460

<i>Приложение II.</i> Тема и образ рожи в русской поэзии (рубеж 80—90-х гг. XVIII — первая четверть XIX века)	463
«Зимние» стихотворения Муравьева на фоне «зимнего» текста русской поэзии XVIII века	478
«Весенние» стихотворения Муравьева	498
Другие стихотворения с весенними мотивами	502
<i>Приложение.</i> Слово <i>природа</i> и ее образ в поэзии Муравьева	505
«Текст утра» в поэзии Муравьева	511
«Текст рек»	514
Другие стихотворения о природе	523
4. Гимн зрению (анатомия и дары его)	541
<i>Приложение.</i> Мильтон в контексте русской литературы XVIII века	553
5. Эпистолярные тексты Муравьева	560
Два послания к И. П. Тургеневу	560
Эпистола к И. П. Тургеневу	564
«Брянчаниновский» цикл Муравьева	572
<i>Приложение.</i> Несколько слов об А. М. Брянчанинове	573
Эпистола «философическая»	608
Сонетный диалог	614
Между эпистолой и одой	616
Два стихотворных письма к сестре	618
Тексты поэзии и поэтического творчества	628
«Вспоминаю те счастливые мгновенья...» (Письмо к***)	645
Поэт, поэзия, Муза, предназначение, посвящение, сомнения	649
6. О стихотворном «письме» и смежных жанрах в русской поэзии XVIII века	661
7. Из любовной лирики М. Н. Муравьева	719
8. «Нисин» текст Муравьева — образ Nice у Метастазиио. О «метастазиевом» слое в русской поэзии 70—90-х гг. XVIII века	764
9. К вопросу о «муравьевских» реминисценциях у Пушкина	801
10. Муравьев и Брокес (о знакомстве с Брокесом в России)	875
<i>Приложение.</i> «Rāms laiks pēc pērkona briesmas» Стендера и «Die auf ein starkes ungewitter erfolgte stille» Брокеса	887
<i>Послесловие</i>	910

С.

ПОЭЗИЯ М. Н. МУРАВЬЕВА

Как известно, интересы и деятельность Муравьева не исчерпывались ни поэзией, ни художественной литературой вообще, ни даже писательством. Однако с детских лет он был и усердным, благодарным читателем стихов, и его ранние собственные опыты в писании стихов или в стихотворных переводах были предприняты, когда мальчику было около десяти лет (с достаточным основанием можно предполагать, что поэтические опыты начались у него еще раньше). Раннее развитие, домашние занятия, учение в гимназии при Московском Университете, ректором которого был известный И. М. Шаден, так много сделавший для русского Просвещения (можно напомнить — Муравьев и Карамзин были его благодарными учениками, а мальчик Муравьев свой перевод с немецкого «Жизни Эрнста, по прозванию Благочестивого, герцога Саксонского», начатый в 1768 г., посвятил именно Шадену), а потом и учение в Университете, хотя и короткое (в феврале 1770 г. отец получил новое назначение в Архангельск и взял с собой туда 12-летнего сына и еще меньшую дочь), — все это способствовало быстрому духовному развитию мальчика, интенсивной умственной деятельности, расширению его образовательного кругозора, развитию склонности к самоанализу (ср., в частности, привычку фиксировать свои мысли и соображения в записях, которые позже были названы им «сентиментальным журналом»). Художественная литература и переводы были в эти годы главным интересом Муравьева.

Во всяком случае, известно то внимание, которое Муравьев уделял переводам французских (прежде всего) и немецких литературных текстов. Так, достоверно его обращение к «Федре» Расина, «Заире» Вольтера и некоторым другим текстам, результатом чего было появление набросков фрагментов этих трагедий. Отъезд из Москвы не уменьшил интереса к занятиям переводами. В Архангельске он переводит фрагмент из «Цинны» П. Корнеля, несколько стихотворений Буало, трудится над переводом «Федры» и «Андромахи» Расина (с обращением к этим античным героям впервые, кажется, обозначается интерес Муравьева к женским образам, действующим в трагическом контексте). Там же и тогда же им писались духовные оды и был переложен псалом 69. К этому же времени относятся и опыты оригинального творчества в поэзии — «Элегия на смерть Н. Д. Перкова» (не опубликована; любопытно, что, пища элегии по существу, Муравьев кроме

названного стихотворения упорно избегал употребления слова *элегия* в заглавиях его стихов безусловно элегического жанра), «Стихи на победу 1770 года июля 21 дня, писанные в городе Архангельске того же году» (стихотворение, написанное 12-летним мальчиком, позже, в 1775 г., было опубликовано в несколько измененном виде под заглавием «Ода на случай Кагульской битвы»). Оказавшись в связи с новым назначением отца в конце 1770 г. в Вологде, Муравьев погружается в столь высоко им ценимый мир античной литературы (или, по крайней мере, античных образов), для знакомства с которым российского читателя впоследствии он сделает так много. В Вологде же Муравьева ожидал первый выход на Вергилия, которого он так ценил и, более того, любил, вдохновлялся им (см. далее). Плод этого интереса Муравьева — переводы («без рифм») «Георгик» Вергилия, комедии Публия Теренция Афры «Формион» («Начата мной переводить в Вологде 1772 года 25 апреля», — записывает 14-летний юноша), сатиры Авла Персия Флакка («перевод одного вологодского гражданина. 1772 года 30 ч(исла) мая»), начала первой сатиры Персия (см. В. А. Западов. Муравьев Михайла Никитич // Словарь русских писателей XVIII века, вып. 2 (К—П). СПб., 1999, 305). [«Где то прекрасное время, когда, еще не имея ни способов, ни столько просвещения, просиживал я дни за Корнелем в Городе Архангельском и в Вологде за Виргилием [...]», — вспоминал позже Муравьев (см. ПСС, ч. 3. 1820, 279) — В рукописном «Сборнике переводов и отрывков из греч., лат., фр. и англ. авторов и собственных сочинений по литературе, истории, философии и др. [1772—1801 гг.]» (РНБ=ГПБ, ф. 499, Муравьев М. Н., ед. хр. 30, л. 64) есть заглавие «Опыт перевода из Цинны», но за ним нет текста.— В каталоге одной из библиотек М. Н. Муравьева (РНБ=ГПБ, ф. 499, Муравьев М. Н., ед. хр. 6) хранились книги «Перевод Персиевых и Ювеналовых Сатир» г. Аб. Тарлер [нрзб.]. Париж, 1737, с ориг. (№ 111) и «Ювенал и Персий». Amsterdam, 1735 (№ 47); к концу 70-х гг. относится незавершенный набросок из корнелевой «Родогуны» (“Rodogune, princesse de Parthes”), действ. V, явл. 18: *Венчайся, будь тиран: се зришь царем себя...*; см. Л. А. Алехина. Архивные материалы М. Н. Муравьева в фонде Отдела рукописей // Записки Отдела рукописей, вып. 49. М., 1990, 66, № 74 и др.]

В 1771 г. Муравьев обращается к теме Дидоны в намерении написать оригинальную трагедию (см. ниже). В это же время пишется «Эклога», обращенная к А. В. Олешеву и появившаяся в ПСС, ч. 1. 1819, 11—15: «Эклога (А. В. О...ву)». В следующем году написана «Ода» (*Осьмнадцатый ныне раз...*) по случаю совершеннолетия наследника Великого Князя Павла Петровича (первая публикация — 1967).

В 1773 г. М. Н. Муравьев впервые появляется на литературной сцене — выходят из печати сданные в типографию еще в 1772 г. «Басни лейб-

гвардии Измайловского полку фурыера Михайлы Муравьева. Книга I» (СПб., 1773). Книга, состоявшая из 19 басен и стихотворного «Эпилога», была посвящена секунд-майору Измайловского полка П. А. Голицыну, однопольчанину автора. В издании «Стихотворений» М. Н. Муравьева, предпринятом Л. И. Кулаковой, раздел «Басни» включает 26 стихотворений. По сравнению с *editio princeps* этот раздел включает семь других басен, опубликованных позже и оставшихся в рукописи или написанных, видимо, позже и вошедших в другие сборники. Кое-что было опубликовано посмертно. В составе этих семи «лишних» басен оказался и «Суд Момов. К М. А. Засодимскому». Адресат басни Михаил Андреевич Засодимский в 70-е гг. был преподавателем риторики духовной семинарии в Вологде. Вероятно, он был учителем Муравьева и, во всяком случае, оказал на него влияние. Басня представляет собою переделку не вошедшей в книгу басни «Нептун, Минерва, Вулкан и Момус». По первоначальному замыслу именно этой басней должна была открываться книга. Для 15-летнего автора и при учете уровня басенного творчества в России на рубеже 60—70-х гг. XVIII в. басню «Суд Момов» приходится признать несомненной удачей — и не только в ее собственно басенной части, но и в шести начальных стихах посвящения М. А. Засодимскому:

Ты, часто слушая стихи мои с раченьем,
Прочь гонишь от меня прельщающий туман.
Здесь рифмой оскорблен, там смысла опущеньем,
Свергаешь без чинов мой чтимый истукан.
Послушай: я еще являюсь с сочиненьем,
Чтоб случай дать тебе свой править важный сан.

Посвящение, введенное в сам текст басни, в то время (да и позже) было несомненным новшеством, как и сама «литературность» басни, в частности ссылка на источник (русские баснописцы обычно «уходили» от раскрытия источников их творений, представляемых как вполне оригинальные). Собственно басенная часть как раз и начинается указанием на источник, причем не являющийся избитым — от Эзопа до Лафонтена. *Насмешник греческий, писатель остроумный, | Таковую повесть нам оставил Лукиан | [...].* Эта «повесть» — эпизод из диалога Лукиана «Гермотим, или О выборе философской философии», т. е. текста, не являющегося басенным, а скорее серьезным философским диалогом, несущим на себе отпечаток платонизма. Этот диалог, самый пространственный из образцов этого жанра у Лукиана, относится к рубежу 50—60-х гг. II в. н. э., к периоду перехода автора от риторики к философии, к критике противоречивых положений традиционных философских школ, к отрицанию спекулятивно-умозрительной философии, не связанной с жизнью

и ее потребностями, к призыву избегать философов, как бешеных собак, и обратиться именно к жизни простых людей. Между прочим, нельзя исключать, что само начало лукиановского диалога, в котором автор выступает как учитель, к которому спешит его ученик с книжкой в руках, получило отражение в посвящении к муравьевской басне (см. выше): «Л и к и н [под этим именем в диалоге выступает сам Лукиан (ср. общий звуковой каркас *Л-к-н*. — В. Т.)]. Судя по книжке в руках и быстрой походке, похоже на то, что ты спешишь к учителю, Гермотим. Я видел: ты что-то обдумывал на ходу и губами пошевеливал, тихонько приговаривая, и рукою вот так и этак двигал, точно слагал про себя какую-то речь. Дело ясное: ты придумываешь какой-то своему собеседнику крючковатый вопрос или повторяешь про себя некое хитроумное рассуждение — и все-то тебе некогда; даже когда шагаешь по дороге, всегда ты занят каким-то спешным делом и самую дорогу превращаешь в учение». Похоже, что Засодимский соотнесен с Лукианом, а сам Муравьев с Гермотимом, чьи слова в финале диалога — «Если когда-нибудь в будущем, идя по дороге, я встречу, вопреки моему желанию, с философом, я буду сворачивать в сторону и обойду его, как обходят бешеных собак». Посвящение Засодимскому как раз и есть признание правоты строгого и неумытного учителя-критика, «гонящего прочь» от своего ученика «прельщающий туман», призывающего к строгости: *Окончен суд и участь всех равна. | Тогда мои узнали поздно боги, | Что трудно и богам на Мома угодить | | Зачем же критике, пииты! вас щадить? | К чему ваш крик и шум? Судьи должны быть строги,* — завершающие стихи басни. И стихи Муравьева, поднесенные учителю, выставлены на суд одного из «судей строгих», каким, очевидно, был Засодимский (любопытно, что боги, представшие перед Момом-судией, *По х в а с т а т ь* вздумали верховностью своею | *В х у д о ж е с т в а х*: кто лучше из троих | [...]; ср. далее — *Изволили мои художники предстать | Суда во ожиданье*). Если сказанное до сих пор верно, то «Суд Момов», конечно, существенно большее явление, чем басня. Он и просвет в индивидуально-личное, в автобиографическое, в ситуацию встречи с учителем и ожидания его «последнего» слова об ученике, о его творческих возможностях. В определенном смысле эта «басня» — шедевр, который преодолевает «басенное» задание чем-то несравненно более важным и новым. Эти «важность» и «новизна» (а может быть, и реакция на нее Засодимского), кажется, могли бы объяснить, почему Муравьев, предполагавший открыть этим текстом книгу басен, отказался от своего намерения, и текст пролежал в архиве почти 170 лет, прежде чем был опубликован Л. И. Кулаковой (текст 1772 г., обработанный, однако, в 1780-е гг.).

Не вошли в первую книгу «Басен» (а она оказалась единственной — второй не было) и еще несколько текстов — «Столик и колокольчик», «Улиссо-вы спутники», «Соловей и Жаворонок. *Перевод из Геллерта*», опубликованные

только в 1967 г., а также еще три басни. Кое-что было опубликовано при жизни автора, но позже, как, например: «Баснь. *Подражание Де Ла Фонтеню*» («Переводные стихотворения [...]», 1773, 15 — “La Montagne qui accouche” Ла-фонтена), «Раздор в улье» («Оды [...]», 1775, 25). Посмертно была опубликована басня «Изгнание Аполлона» (Муравьев — «Опыты истории, словесности и нравоучения». М., 1819, ч. 2, 62).

Другие басни Муравьева — вполне в духе времени и большей частью на его уровне. Поэтика заглавий традиционна — «Конь», «Стрекоза», «Лисица и Козел», «Кучер и Лошади», «Кошка и Лисица», «Собачка», «Верхушка и Корень», «Половица», «Мышь и Кошка», «Волк и Лисица», «Скворец и Ястреб», «Пес», «Зевес и Гром», «Индей и Сокол», «Зеркало», «Крестьянин, Лисица и Собака» и др. Как исключение можно отметить другую басню с посвящением — «Перо. К Его Превосходительству Александру Петровичу Ермолову» («Басни», 24):

Не на берегах прозрачной Аретузы,
 Но там, где Вологда медлительно течет,
 В смиренну сень мою спустились кротки Музы,
 И прелесть некая с тех пор меня влечет,
 Их несть приятны узы.
 Уже и Олешев внимал стихам моим
 Средь сельских долов.
 Теперь хочу я именем твоим
 Украсить басенку, чувствительный Ермолов.

[А. В. Олешев, 1724—1788, писатель, переводчик философских произведений, близкий знакомый М. Н. Муравьева, имевший на него влияние. Подробнее о нем см. далее.]

Здесь тоже — и личное, жизненное, и по-пушкински звучащая «смирренная сень», уединенное место встречи поэта с Музами, и пленительное (не столько в оценочном смысле, сколько в «пленяющем» захвате в единое пространство столь далекого и разного, но равно пленительного — «прозрачной Аретузы» и «медлительной Вологды», в самом обозначении которой нет ни раскатистого *p*, ни звонко свистящего *з*) соотнесение того, что автору не будет суждено когда-нибудь увидеть, но что живет в его сознании и вдохновляет его к творчеству, и того, что он знает очень близко и любит и чем тоже вдохновляется, и люди, с которыми автор связан (можно напомнить, что, когда писалось это стихотворение, «Его Превосходительству» было 18 или 19 лет; список ГИМ, по которому была опубликована эта басня, учитывает и авторскую обработку текста в 80-е гг. XVIII в.), и, наконец, само остроумие диалога-спора пера, которым пишет поэт, и